

# Юрий Поминов

## ПОКА ЛЮБОВЬ ЖИВЁТ ВО МНЕ...

И я, обласканный и битый,  
Добро изведавший и зло,  
Дивлюсь – о, сколько же событий  
при мне, верней, по мне прошло!

*Виктор Семерьянов*

Скорбная весть о том, что не стало Виктора Гавриловича Семерьянова, застала меня вдали от дома, и я не смог проводить его в последний путь. Но не только я, а и многие другие: хоронили нашего коллегу и друга по правилам карантина – он скончался от последствий коронавируса.

Мы были знакомы с ним без малого полвека, не одно десятилетие работали в одной газете. И многие годы, до самой его кончины, дружили.

Решив написать прощальное слово о Викторе Семерьянове, я вдруг понял, что мало знаю о его жизни до прихода в павлодарскую областную газету «Звезда Прииртышья». Взял двухтомник «Я живу в Казахстане», изданный несколько лет назад, и стал открывать заново поэта и близкого мне человека. Оказалось, весь он, вся его жизнь, судьба – в поэтических строках.

Детство на Алтае – холодное и голодное, как и у его сверстников – детей войны. Отец и старший брат Виктора – Фёдор ушли воевать и погибли у Днепра. Оставшихся детей – двух сыновей и дочь – мать поднимала одна. Вместе с ней они работали в колхозе. Жили впроголодь. По весне варили и ели «витаминный суп» из лебеды, заменявший щавель. Собирали сосновые шишки и подтапливали ими печь – дров всегда не хватало.

Словом, жили, как все, вернее, выживали – как могли. О том времени годы спустя поэт напишет:

Вот так меня формировали –  
Колхоз, да мама, да страна.

К матери в стихах он будет возвращаться часто и навсегда останется верен её завету:

Повторяла мама  
В простоте своей:  
«Не копи ты денег,  
А копи друзей...»



Как будет помнить оставшуюся от отца гармошку, на которой научится играть, заменив отца – деревенского гармониста.

Выбор у деревенской ребятни, пережившей военное лихолетье, был не слишком велик: оставаться в колхозной упряжке, без особых перспектив из неё выпрячься, или «ремеслуха» (фабрично-заводское обучение). Хотя в ней, если выдержишь суровый послевоенный быт и скудное питание, можно было получить рабочую профессию.

Но алтайскому парнишке повезло: он поступил в Семипалатинское речное училище, о чём никогда впоследствии не пожалел, и даже окончил позднее техникум речного транспорта. Наоборот, всегда гордился тем, что он речник, ходил по Иртышу матросом, потом капитаном небольших судов. И поэтических строк, посвящённых той поре жизни – далеко не простой, но полной романтики, настоящего мужского труда, высокого смысла – у Семерьянова, наверное, больше, чем каких-либо других. Даже буксиры у него то «буйные и сильные, как буйволы», то, как живые люди, «пофыркивают, сопят».

В героях у него не только речники, корабли ремзавода, но и его маневровый катерок, и даже заводской гудок, собиравший рабочих-речников на смену. Он обессмертил в стихах и тогдашнее рабочее братство, и тех людей, что помогали его собственному становлению, и суда, на которых работал, ведь у каждого из них были не только свои заслуги, но и характер, и даже причуды. Именно поэтому и люди, и корабли продолжают сниться ему, давно сошедшему на берег, и жить в его стихах. Как те же корабли судоремзавода:

Неповоротливые в робах,  
вы все тут, как богатыри...

Или старый-старый теплоход, добродушно встречавший машинным храпом его, начинавшего службу матросом.

Бросив в 1959 году якорь в Павлодаре, как напишет позже сам о себе Виктор Гаврилович, он, уже начинавший писать стихи, однажды насмелился послать их в областную газету, тогда ещё «Павлодарскую правду». Их, к его удивлению и радости, напечатали – с тёплым напутствием Сергея Музалевского, опекавшего молодых поэтов в созданном им литературном объединении, носящем имя Павла Васильева. Пройдут годы, и молодых поэтов будет опекать уже Виктор Семерьянов, возглавивший это литературное объединение.

А тогда, недолго проработав на областном телевидении, он перейдёт при поддержке того же Музалевского в областную газету «Звезда Прииртышья» и проработает в ней 30 лет, до выхода на пенсию.

Начало 70-х годов... Газета идёт в ногу со временем, публикует, помимо прочего, целевые полосы: «Планы партии – планы народа», «Соревнованию – могучие крылья». Семерьянов в этом строю находит своё рабочее место: привозит из командировок, пусть и не часто, нечто для газеты необычное – лирические репортажи, посвящённые героям того времени – выдающимся земледельцам, Героям Социалистического Труда бригадиру-целиннику Тимофею Волкову, агроному Михаилу Трусову, собратьям-речникам, другим известным людям. Это была, по сути, новая форма повествования о человеке, его трудах и заботах. И они, эти газетные сроки, тоже дышали поэзией.

Я знаю, как тронут был таким репортажем Михаил Иванович Трусов: хлебороб Божьей милостью, он бережно хранил газету со стихами, не забывал поздравлять автора с Новым годом и Днём печати. А когда трагически оборвалась жизнь Михаила Ивановича, Виктор Гаврилович откликнулся на эту скорбную весть новыми проникновенными строками:

Храню листок, тетрадного короче –  
Письмо с последним дружеским приветом...

Там есть и такие очень точные слова: «Растить хлеба талант даётся свыше...»

У Виктора Семерьянова много стихов – посвящений друзьям: Сергею Музалевскому, Сергею Шевченко, Жанаталапу Нуркенову, Петру Побережникову, Науму Шаферу и другим.

Вот строки, адресованные С. Музалевскому:

Мы всё те же – страны рабочие,  
мы всё те же певцы степей.  
Только чувства, они разборчивей,  
только строчки, они скупей.

Всё правильно: зрелость пришла.

Тронут тем, что есть у него и мне посвящённые строки. Виктор Гаврилович откликнулся в них на мои грустные размышления «Свидание с родиной» – о несправедливой судьбе села, в котором я вырос, заметив:

На душе и печаль, и обида...  
Ах, какая случилась беда –  
Атлантида моя, Атлантида,  
потерял я тебя навсегда.

Запомнились нам его шуточные строки, в которых он откликнулся на введение в Казахстане собственной валюты:

Я люблю вино и бражку,  
пошататься по пурге.  
А ещё люблю казашку,  
у которой есть тенге.

Мы много лет работали с Виктором Гавриловичем в одной связке: я – редактором, он – ответственным секретарём, затем первым заместителем редактора. Пережили вместе трудные времена разора, безденежья и всё же смогли все вместе с тогдашним коллективом поставить газету на рыночные рельсы, сделать её практически самоокупаемой. И в этом была немалая заслуга Семерьянова, тянувшего на себе, помимо прочего, и рекламный отдел газеты.

Особая веха в жизни Виктора Гавриловича – учёба в Литературном институте им. Горького, из стен которого вышли многие замечательные поэты и писатели.

Учился заочно, и непросто там приходилось ему, провинциалу, «академиком не кончавшему». Литинституту он тоже будет благодарен всю оставшуюся жизнь:

Хорошее от плохого  
Научат здесь отличать...

А ещё после жёстких поэтических «разборок» студент Литинститута «приводил в чувство бесчувственные строки»...

Трагически оборвалась жизнь однокашника по Литинституту, большого русского поэта Николая Рубцова. Роднило их общее флотское прошлое. Рубцов

писал о себе: «Я в мазуте, я в тавоте, но зато служу в тралфлоте!» То же самое мог написать о себе Семерьянов, хоть и служил в речном флоте. И он посвящает собрату-поэту прощальные пророческие строки: «Жизнь поэтов после смерти расставляет по местам».

Немало трепетных трогательных строк Виктора Семерьянова обращено к его жене и другу, матери двух их сыновей Алле Ивановне. Она была ещё и его ангелом-хранителем, продлевала, сколько могла, а может и более того, ему жизнь. А он всю жизнь посвящал ей стихи, начиная с тех пор, как они связали свои судьбы.

Тебя любить я буду нежно,

Пока живу я на земле –

напишет он и попросит прощения у любимой, если вдруг случится: «Тебя одну оставлю на планете...»

К счастью, она остаётся не одна: рядом сыновья, внуки. И память о муже, отце, деде.

У Семерьянова есть строки, которые могут быть эпитафией ко всему его поэтическому творчеству, как и ко всей его жизни: «Эту землю давно полюбил я навеки...»

Правильно написала в трогательных, посвящённых ему строках его давний друг, коллега Людмила Гришина: нет таких тем, которые не звучали бы в его поэзии – она всеохватна, как сама жизнь. Она – гимн жизни во всех её проявлениях.

Поэт – истинный патриот Казахстана, но всегда помнит и о своей исторической родине – России:

Казахстан и Россия –

два заветных огня,

вы в душе негасимы

до последнего дня.

Как истинный русский поэт, Семерьянов переводил стихи своих собратьев по перу – Абая Кунанбаева, Куланбая Копишева, Армана Кани, других казахских поэтов, а также стихи Розы Пфлюг и Нелли Ваккер. Есть у него переводы с польского.

Отдал Виктор Гаврилович дань в своём творчестве казахской истории, культуре, её выдающимся именам. Это поэмы о батыре Жасыбае, «Вершина Машхура». «Вершина» была переведена на казахский язык Какимбеком Сальковым и опубликована в газете «Егемен Казахстан» тиражом больше ста тысяч экземпляров. Немногие русские поэты, особенно сегодня, устаиваются такой чести.

Верю в то, что строки поэзии Виктора Семерьянова будут жить. А значит, будет жить в благодарной памяти потомков и он сам.

*г. Павлодар*

